

ОФОРМЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В СОСЛОВИЕ В XVIII в.

Цыганов Михаил Павлович,

Самарская духовная семинария (г. Самара, Россия)

В статье рассматривается оформление православного духовенства в отдельное сословие Российской империи в 18 веке.

В послепетровскую эпоху русское духовенство стало постепенно замыкаться в особое сословие, называвшееся в законодательных актах «духовным чином» [4, с. 85]. Эта сословность духовенства была порождена сословностью всего государственного и общественного строя России, сложившегося в эту эпоху, поскольку «утилитарный дух Петра, во имя всеобщей повинности служения государству заковал все сословия в рамки государственного тягла» [2, с. 807]. В соответствии со старомосков-

ской традицией «все сословия в меру своих возможностей и познаний были обязаны служить государю. Служба духовных лиц заключалась в том, что они были богомольцами великого государя» [3, с. 318]. Петр I издал ряд указов, которыми ограничил возможность личного выбора профессии и, таким образом, сделал принадлежность к тому или иному сословию наследственной. Но эта сословность духовенства не была полной, так как не исключало возможность вхождения в него посторонних элементов, которые затем и замыкались в сословии.

При замещении духовных должностей сначала была в силе идущая с 17 века традиция выборности и наследования приходских должностей. Но постепенно эта традиция приходила в упадок: сначала прекратились выборные начала, а затем и наследственное начало.

Со времени Петра I епископат был выбираем по признаку богословской дипломированности, и этим самым фактом применения к кандидатам священства мерки дипломов, свело на нет самой нужности выборного начала. К концу 18 века для того, чтобы получить место священника нужно было только одно - наличие документа об образовании и, таким образом, «воспитанники духовных школ скоро заслонили вход к церковным местам для всех посторонних людей» [1, с. 340]. Так незаметно обновлялся интеллектуальный и моральный состав школьного русского духовенства. Таким образом, «как на шляхту, так и на детей духовенства, государство наложило обязательство поголовного школьного образовательного ценза. И духовенство смело встретило это обязательство и через это еще более закрепило свое бытовое право наследования» [4, с. 87]. И даже церковнослужители стали назначаться, а не выбираться.

Таким образом, духовная школа стала сама по себе фактором более тесного словного подбора и замыкания духовенства. Духовная школа содержалась на средства архиерейского церковного хозяйства и по своей дешевизне стала самой доступной для приходского духовенства. Через школьный диплом в быту духовенства стал совершаться глубокий внутренний переворот. Над наследственным правом стало преобладать, вслед за школьным цензом, повышенное требование не только интеллектуальных, но и моральных достоинств соискателей приходских мест.

Еще одним обстоятельством, способствовавшим превращению духовенства в особое сословие, была «распространенная, хотя и негласная, практика передачи церковных мест по наследству» [4, с. 87]. Дом и усадьба священника находились в его частной собственности. Поэтому сын священника, получив образование, оказывался более приемлемым кандидатом на замещение отцовского места, чем человек, которому, чтобы получить место, пришлось бы выкупать дом и усадьбу. Часто бывало так, что и неученый наследник имел возможность пересилить своего ученого соперника, «опираясь на владельческое право на наследственное строение при церкви и запрашивая за него с претендента, за свое наследное место непомерную плату» [1, с. 340]. По этой причине «Петр I указами от 1718 года запретил строительство частных домов на церковной земле, и потребовал, чтобы приходы сами строили жилища для клира» [3, 326]. Однако, это распоряжение исполнялось в активно строившейся новой столице царя - Петербурге, в котором «правительство поощряло прицерковное строительство на дармовой земле» [2, с. 821].

Из наследственного права на дом и усадьбу выросла негласная наследственность самих священнических, диаконских и причетнических мест. И такая наследственность поддерживалась епархиальными архиереями, которые почитали своею обязанностью заботиться об устройении материального благополучия семейств духовного чина. Уродливый порождением негласного наследственного права на церковное место стало практика продаж этих мест. Когда в семье священника или диакона не было наследников или наследницы-невесты, то семья продавала дом ставленнику, а вместе с домом

продавалось и место. Духовные власти «пытались препятствовать такого рода «продажам», особенно когда такой человек оказывался без достаточного образовательного ценза или лицом, по иным причинам мало способным для служения Церкви» [4, с. 88]. Несмотря на это, полностью пресечь эту практику не удавалось до конца XVIII века. Замкнутый духовный чин не мог удержать в своих рядах всех принадлежавших к нему по рождению. Поэтому на протяжении XVIII века правительство проводило так называемые «разборы» духовного чина, в результате которого множество духовных лиц перешло из духовного сословия в податный или рекрутировалось в армию.

Первые разборы были произведены еще при Петре I, и «были вызваны необходимостью пополнения армии во время шведской войны» [3, с. 328]. С 1705 года начались рекрутские разборы в монастырских и архиерейских вотчинах. С 1708 года рекрутские разборы распространялись на тех, кто уклонялся от обучения в духовных школах, а затем за ревизией 1719 года последовал рекрутский набор среди самого духовенства.

Изъятие излишков духовенства делалось не только в податные сословия или в солдаты. Для грамотных и способных «был открыт выход на чиновничью службу и в ученые специальности, в которые государство в 18 веке испытывало острую нужду» [4, с. 90]. Лучших учеников забирали из семинарий в Академию наук, в Московский университет, в Медико-хирургическую академию.

Рекрутские наборы не прекращались в течении всей шведской войны, и закончились лишь в 1740 году. К этому времени оказалось, что ряды духовенства сильно опустели, так что во многих епархиях церкви оставались вовсе без священников. Вследствие этого Святейший Синод обратился к правительству «прося, наконец, пощады своему ведомству», [1, с. 341] и прося разрешение ставить священниками лиц без специального образования, но добронравных.

Позиция правительства по отношению к духовенству изменилась заметно лишь при Екатерине II. Политические процессы по обвинению духовенства в пропусках торжественных богослужений в дни, связанных с царским домом стали редкостью. Хотя Святейшему Синоду не удалось добиться от императрицы сокращения таких дней, но опущения в этом отношении карались по повелению императрицы лишь незначительными церковными епитимьями» [3, с. 344].

Духовенство не было ограничено и от телесных наказаний. Лишь при Екатерине II вышел указ от 7 июня 1767 года, в котором говорилось о том, что духовенство, подвергаемое телесным наказаниям «теряет должное по характеру своему от общества почтение, пастве же подается немалый соблазн и причина к презрению» [4, с. 91]. В связи с этим Святейший Синод издал указ о том, «дабы священникам и иеромонахам как пристрастных расспросов, так и никаких телесных наказаний чрез побои в духовных командах отнюдь чинить не было, а единственно исправляемы были вместо телесного наказания, приличным духовенству трудами и отрешением от дохода и от прихода, по рассмотрению» [4, с. 91]. Этим указом отменялись телесные наказания как дисциплинарная мера, применяемая епархиальной властью по отношению к духовенству.

Таким образом, в течение 18 века духовенство стало одним из сословий Российской империи. Этому способствовала политика русских монархов и это было закреплено рядом государственных актов. Сословность духовенства просуществовала до второй половины 19 века.

Литература

1. Знаменский, П.В. История Русской Церкви: учебное руководство. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000.

2. Карташев, А.В. История Русской Церкви. – М.: Эксмо, 2005.
3. Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700–1917. Кн. VIII. Часть 1. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
4. Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейшие периоды. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006.